

Интервью с Галиной Борисовной КОРАБЛЕВОЙ

«ПОТРЕБНОСТЬ В ПЕРЕМЕНАХ И ИХ ВЕТЕР НАЧИНАЕТ ЧУВСТВОВАТЬСЯ В КОНЦЕ 80-Х-НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ»

Кораблева Г. Б. — окончила философский факультет Уральского государственного университета (1972 г.); доктор социологических наук (2000 г.); зав. кафедрой теории и истории социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Основные области исследования: социология молодежи, социология образования, социология профессий.
Интервью состоялось: ноябрь 2014 г. — февраль 2015 г.

Сейчас, когда счет проведенных интервью перевалил за 100 и матрица событий, встречающихся в жизнеописаниях российских социологов, в целом сложилась, каждая новая беседа рассматривается мною с двух точек обзора. Назову первую — собственно биографической, или личностной, а вторую — поколенческой. В рамках первого подхода центральной оказывается тема социализации человека, его обучения, движения в социологию и его деятельность как исследователя и преподавателя. Со второй обзорной площадки открывается возможность для изучения сходства-различий жизненной траектории конкретного социолога с тем, как входили в науку представители его профессионально-возрастной когорты, в каких нишах протекала (развивается) их деятельность.

Екатеринбургский профессор социологии Галина Борисовна Кораблева относится к старшему слою четвертого поколения советских / российских социологов (время рождения этих ученых заключено в интервале от 1947 до 1958 гг.), который в рамках моего проекта представлен 24 человеками (Таблица 1).

Опрошенные социологи четвертого поколения

ФИО	уч. ст.	город	ФИО	уч. ст.	город
Бачинин В. А.	д. н.	СПб	Лебедева Л. В.	к. н.	Тюмень
Беспалова Ю. М.	д. н.	Тюмень	Локосов В. В.	д. н.	Москва
Гаврилюк В. В.	д. н.	Тюмень	Мягков А. Ю.	д. н.	Иваново
Горшков М. К.	д. н.	Москва	Омельченко Е. Л.	д. н.	СПб
Давыдов А. А.	д. н.	Москва	Полетаев А. В.	д. н.	Москва
Демидов А. М.	к. н.	Москва	Савельева И. М.	д. н.	Москва
Здравомыслова Е. А.	к. н.	СПб	Семенова В. В.	д. н.	Москва
Илле М. Е.	б/с	СПб	Тарусин М. А.	б/с	Москва
Ильин В. И.	д. н.	СПб	Цыплёнков С. Ю.	б/с	Калининград
Ключарев Г. А.	д. н.	Москва	Чирикова А. Е.	д. н.	Москва
Козлова Л. А.	к. н.	Москва	Штейнберг И. Е.	к. н.	Моск./Энг.
Кораблева Г.Б.	д. н.	Е-бург	Ядов Н. В.	к. н.	СПб

Отмечу главные элементы матрицы событий, обозначенные в рассказе Галины Кораблевой.

Предбиография включает в себя зажиточных крестьянами, раскулаченных в постреволюционные годы и волей судеб заброшенных на небольшой разъезд на Северной железной дороге. Отец, участвовавший в войне на Халхин-Голе, в советско-финской и Отечественной войнах; он не нашел себя в мирной жизни и рано умер. Мать, которая в 16 лет попала на фронт вместе с госпиталем и после смерти мужа одна воспитывала троих детей. Потом школа в небольшом рабочем поселке под Костромой. Молодой учитель немецкого языка, в которого были влюблены все девочки, обратил внимание на «философствование» своей ученицы, так Галина поехала в Свердловск и поступила на философский факультет университета, на котором деканом был М. Н. Руткевич. С социологией студентов знакомил Л. Н. Коган.

Специализировалась она по кафедре исторического материализма, дипломная работа — по проблемам рабочего класса и распределение в Институт экономики Уральского отделения АН СССР.

Заочная аспирантура в ЛГУ и в 1980 году защита кандидатской по социально-политической активности населения Урала. Потом семь лет исследовательской работы на кафедре научного коммунизма Уральского политеха, коллектив которой занимался разработкой планов социального развития. Работа под руководством Ю. Р. Вишневого и Когана, докторантура у Г. Е. Зборовского в Свердловском инженерно-педагогическом институте и защита диссертации в 1999 году.

Биография Галины Кораблевой уникальна потому, что все описанное пережито ею, но почти все сюжеты — не уникальны, с аналогичными можно встретиться в биографиях социологов ее когорты и старших поколений. Есть в материалах данного проекта и обстоятельные интервью с Юрием Вишневым и Гарольдом Зборовским, а также их воспоминания об их старшем друге Льве Когане. Таким образом, в ее личном, неповторимом жизненном и научно-исследовательском опыте отражается, преломляется свойственное, присущее ее социо-

логическому поколению. С одной стороны, это обстоятельство позволяет глубже понять рассказ Кораблевой, с другой, дополнить концепцию социологических поколений и валидизировать наши представления об их строении и функциях.

Помимо Г. Б. Кораблевой в таблице 1 названы фамилии еще 23 ученых из четвертого социологического поколения. Следовательно, у нас есть 24 истории социализации людей этой когорты и столько же дорог, по которым эти люди пришли в социологию. У нас – полтора десятка социологов четвертого поколения, имеющих степень доктора наук, 6 – кандидатов наук и трое – без степени; 11 человек – москвичи (по месту работы), 6 – ленинградцы / петербуржцы, 6 социологов из других городов страны и один – работает в г. Энгельсе и Москве.

Все эти биографии являются базой для изучения социологической тематики, которая осваивалась данным сообществом ученых, и анализа межпоколенных и внутривпоколенных связей. Другими словами, оказывается возможным ближе подойти к пониманию истории нашей науки как процесса становления и смены профессиональных поколений.

Кораблева Г. Б.: «Потребность в переменах и их ветер начинает чувствоваться в конце 80-х—начале 90-х годов»

Галина, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры... что Вы знаете о своей фамилии — Кораблева и насколько Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Моя фамилия досталась мне от мужа, а не от родительской семьи. Корневым словом для нее вроде бы является «корабль», но на самом деле, по рассказу мужа, происходит она от слова «короб», с которым ходили по деревням и селам торговцы мелким товаром. Со временем фамилия трансформировалась и, во всяком случае, в XX уже не имела прямой связи с занятиями членов семьи, которые до революции 1917 г. были зажиточными крестьянами, и во времена «раскулачивания», чтобы не подвергнуться репрессиям, перебрались в г. Екатеринбург.

Что касается родительской семьи, то ее генеалогия мне мало известна. По своему происхождению моя бабушка по маме была из карелов, которые в начале XX в. перебрались в Тверскую область, где бабушка нашла свою судьбу в старинном купеческом г. Бежецке. Родители отца происходят из поволжских крестьян Костромской области, но дедушка привез свою молодую жену на небольшой разъезд только что построенной Северной железной дороги, где он потом и проработал железнодорожником в течение всей жизни. И если бы не Великая Отечественная война, то мои родители никогда бы и не встретились. Мой отец, начав службу еще в Красной армии, участвовал в войне на Халхин-Голе, финской войне и далее в Отечественной, что сказалось на его судьбе скорее негативно, поскольку почти десять лет военной жизни позднее мешали ему найти себя в мирной жизни, и он рано умер. Моя мама попала на фронт вместе с госпиталем, куда пошла работать с начала войны в 16 лет. Потом госпиталь был преобразован в эвакуационный полевой госпиталь, где она и служила до окончания войны. Встретились они уже в конце войны на территории Германии, где и поженились. А далее уже появились дети и встал вопрос об месте проживания молодой семьи. Это место искали долго: сначала пытались обустроиться в Западной Украине (г. Владимир-Волинский), где и родилась я, потом в г. Бежецке, но каждый раз сталкивались с неустроенностью послевоенного быта и элементарным полуголодным существованием. В конце концов остановились на родине отца в небольшом рабочем поселке Костромской области. Отца вскоре не стало, и маме пришлось одной воспитывать троих детей. Именно здесь и прошли мои детские годы.

Спасибо, Галина, это же роман... сколько линий, характерных для российской/советской истории, и как прекрасно, что все это хранится в Вас. Вы там и все школьные годы провели? Как вообще помнится то время? Как шла учеба, что нравилось и не нравилось?

Мои школьные годы прошли в небольшом рабочем поселке, где после войны наконец обосновались мои родители. Поскольку отец вскоре ушел из жизни, то жилось семье не просто, но для послевоенного времени и начала 50-х гг. XX в. такая ситуация была характерна для многих семей, так что мое детство было вполне благополучным.

Пока мой отец служил и воевал, подросли и получили образование его сестры, которые пришли работать в ту школу, где я потом училась. Учиться мне очень нравилось. Вероятно потому, что это у меня хорошо получалось и поощрялось. Ведь дети тянутся к тем видам деятельности, которые у них получаются лучше всего. То, что мои близкие родственники работали в той же школе и даже вели уроки в классе, где я училась, тоже не мешало мне. Обе были очень порядочными и ответственными учителями. Одна из них (она была учителем биологии) для того, чтобы продемонстрировать свою беспристрастность и объективность в конце четверти вызывала меня к доске и устраивала опрос по всему пройденному материалу. Я сегодня оцениваю этот ее педагогический прием, поскольку благодаря такому «допросу» меня не считали «выскочкой», «учительской девочкой» и т. п. Отсюда конфликтов с одноклассниками по поводу нечестно полученных оценок не было. Столь пристрастное отношение ко мне со стороны моих тетушек-учителей, пожалуй, с раннего детства приучало меня быть требовательной к себе. А другие конфликты бывали. Я совсем не росла «ботаником» и неоднократно вступала в драки с мальчишками, в споры с учителями.

Больше всего мне нравилось читать книги. В школе и поселке были неплохие библиотеки, в которых я была постоянным читателем. Когда книг мне все-таки не хватало, что уже имело отношение к старшим классам, я начала читать полные собрания сочинений некоторых классиков. С учетом возраста это уже были романы Бальзака, Золя. Цель я себе тогда поставила прочитать все с первого тома до последнего. Но достичь мне ее не удалось. Далеко не все романы оказались интересными и захватывающими. В семье по мере возможности читали все. Помню себя в первом классе, когда я еще читала по слогам. Вечер. Семья собралась за круглым столом, и каждый читал что-то свое, а на меня никто не обращал внимания. По-видимому, для того, чтобы показать, что я тоже занимаюсь общим делом я начала вслух и по слогам читать какие-то странички букваря. Веселье было всеобщим и смех долго не могли остановить, а я плакала от обиды и непонимания. Не было телевидения и театров, но был радиотеатр, и я помню как всей семьей мы замирали у радиоприемника. Это было не столь часто, но запомнилось.

Любовь к чтению сохранилась на всю жизнь и передалась сыну. В 70–80-е гг. мы выписывали много периодики и у нас постоянно возникали споры, кто первым будет читать новый номер «Юности». Чтение перед сном было семейным ритуалом. Мне жаль, что новые источники информации и новые информационные технологии отодвинули книгу на второй план.

Учиться мне было легко и интересно. Хотя естественные науки (физика и математика) были мне менее понятны, чем гуманитарные и успехи здесь не были блестящими, но и здесь при определенных усилиях мне удавалось получать хорошие и отличные оценки.

В целом я была очень активной ученицей. В школе работали различные кружки, проводились какие-то конкурсы. Я рвалась участвовать во всем и, если не брали или не получалось что-то, то обижалась и расстраивалась. Позднее в средних и старших классах пришла к выводу, что талантов у меня нет, внешность серая. Это заставляло меня комплексовать. Очень завидовала красивым девочкам с музыкальными способностями. Все как обычно: не ценим, что имеем.

Хорошая память и способности к усвоению различной информации без особых усилий в подростковом возрасте, когда друзья, лица первые влюбленности становятся более значимыми, привели к тому, что знания мои по ряду предметов, казавшихся мне скучными, оказались поверхностными, что я понимаю сегодня. Например, уже не помню было ли в мое время обществознание как учебная дисциплина, но в старших классах были в курсе истории схожие разделы. Здесь я явно плавала: партийные съезды, структура и состав правительства и т.п. стали для меня камнем преткновения. Позднее, уже в вузе, был один предмет, который я «завалила» на первом курсе – это история КПСС.

По окончании школы я не получила ни золотой, ни серебряной медали, хотя могла бы. Для этого нужно было пересдать какие-то темы, поднапрячься и погрузить в учебу. Но уже тогда проявилась одна особенность моего характера: я честолюбива, но не амбициозна. Я о той самой медали, в отличие от моих родственников, и не мечтала никогда и не также никогда не жалела, что ее не было. А вокруг кипела жизнь, и можно было бесконечно мечтать о том замечательном и интересном, что тебя ждет.

Школа повлияла на мой выбор профессии. Скорее это не школа в целом, а, конечно, любимый учитель. Он пришел к нам сразу после окончания пединститута и преподавал немецкий язык, был молод и мы, девчонки, были в него явно влюблены. Поскольку в старших классах я стала учиться неровно, дерзила учителям, одевалась не по форме, дружила с компанией, пользовавшейся не лучшей репутацией, то мой учитель оставлял меня после уроков и подолгу беседовал «о жизни». Он первым заметил аналитические особенности моего ума и обратил внимание на способности к философским размышлениям. Вот я и выбрала для продолжения учебы философский факультет, которых в те времена в СССР было всего четыре.

Как далеко был Ваш поселок от Костромы? Вы чувствовали себя готовой жить в крупном городе, где были философские факультеты? Так каким же оказался Ваш выбор?

Мои одноклассники, как правило, действительно для продолжения учебы выбирали вузы областного города, но там их было, насколько я помню, два: технологический и педагогический институты (типичный набор для небольших областных центров) второй половины 60-х гг. XX в. Меня не устраивал ни первый, ни второй вариант. А вот уже к выбору города я отнеслась рационально. В РФ философские факультеты были открыты в Москве, Ленинграде и Екатеринбурге. Москву и Ленинград я сразу отбросила из списка и не потому, что боялась большого города, Причина была в моей собственной оценке уровня своих знаний и степени подготовленности к экзаменам. Я исходила из того, что в этих городах я, скорее всего, не выдержу конкурса. А вот Екатеринбург

в этом плане мне казался более приемлемым. Я сейчас уже не помню, каким был реальный конкурс, но около 2 человек на место, о чем я уже узнала по приезду в Екатеринбург.

Здесь я столкнулась еще с одним барьером, который назывался «собеседование по математике». Дело в том, что программа обучения на философском факультете включала односеместровый курс высшей математики. И два предыдущих набора столкнулись с тем, что уже в первую экзаменационную сессию с ним не справились не менее трети студентов, которые были отчислены. Вот тогда М. Н. Руткевич, а он был первым деканом философского факультета Уральского государственного факультета, и ввел предварительное (до приема документов от абитуриента) собеседование по математике. Те, кто его проходили, дальше сдавали документы и допускались к основным экзаменам. Времени на подготовку к этому собеседованию у меня не было, поскольку я приехала к концу приема документов. Пришлось идти с тем набором знаний по математике, который у меня был. На собеседовании давалось два или три задания: доказательство теоремы и решение математических задач. С задачами я справилась быстро, а вот для защиты теоремы я не знала исходных положений. И здесь сработало нахальство молодости и возможно какие-то аналитические способности. Я заявила экзаменаторам: «Если бы я помнила исходные положения, то дальше данную теорему я доказывала бы следующим образом и продолжила доказательство». Мою логику приняли и допустили к сдаче экзаменов.

М. Н. Руткевич в тот год (1967) ввел еще одно новшество, которое позволило сохранить к выпуску количественно почти полный контингент студентов — это кандидаты в студенты. Их было достаточно много, кажется человек 25. Кандидатом мог стать абитуриент, который получил положительные оценки на экзаменах, но не прошел по конкурсу. Реально это была группа вольнослушателей без каких-то других прав, кроме права занять место студента, отчисленного в течение первого года обучения. Очень интересный вариант, но позднее, возможно уже в 1968 г., эту систему отменили, как и собеседование по математике. Что касается математики, то вопрос решили, пригласив другого преподавателя.

Согласен, было сделано смелое решение. Как пошла учеба на философском факультете? Какие области философии Вас наиболее привлекали, какие преподаватели в наибольшей степени повлияли на Вас?

Учиться на философском факультете было интересно. Хотя традиционно мы знаем, сколь велика роль преподавателя в формировании специалиста, но далеко не всегда это можно проследить столь последовательно, как в моем случае. Дело в том, что философия как направление подготовки было явлением достаточно новым для страны во второй половине 60-х гг. XX в. Отсюда учебные планы и программы дисциплин, с одной стороны, не столь строго определялись Министерством образования, как по другим специальностям. А с другой, — философия рассматривалась как дисциплина мировоззренческая и составная часть марксистско-ленинского учения, и потому контроль за учебной литературой был достаточно жестким. Это проявлялось в том, что учебников по философским дисциплинам практически не было. Кстати, одним из наиболее удачных и новых для своего времени стал учебник по диалектическому материализму М. Н. Руткевича. Отсутствие учебников имело свои плюсы. Студенты философского факультета

с первого курса имели свободный доступ в областную библиотеку им. Белинского (в те времена только студенты старших курсов могли быть ее читателями) и посещали ее для подготовки к занятиям и экзаменам, что приучало к работе с научной литературой. Помимо того, мы с первого курса учились читать философские журналы и работать с научными статьями. Но вот доступ к монографическим первоисточникам был ограниченным, поскольку объявленные еще в 30-е гг. XX в. идеологически «вредные» труды хранились глубоко в запасниках. На третьем или четвертом курсе я писала работу по З. Фрейду. Так вот для того, чтобы познакомиться, хотя бы с одной из его работ, я получала специальное письмо от университета, чтобы эту работу разрешили мне посмотреть.

Отсутствие или ограниченность учебной литературы по философским курсам и дисциплинам повышало значение лекционных занятий, а вместе с этим роль преподавателя, ведущего ту или иную дисциплину. Непререкаемым авторитетом пользовался декан факультета Михаил Николаевич Руткевич. Как с лектором мы с ним познакомились только на старших курсах. Он читал нам спецкурс по социальной структуре общества, да и то только часть лекций, а остальные вела его ассистент. Но как «хозяин» факультета он, уже проходя по коридору, отмечал, чем мы заняты и должны ли быть на занятиях, вызывая трепет у первокурсников.

Мой выбор профессии по окончании школы имел достаточно стихийный характер, а вот утвердил меня в намерениях стать философом Евгений Фомич Молевич, который недолго проработал в УрГУ, переехав сначала в Куйбышев, а затем в Самару. Уже на первом курсе у нас он читал курс диалектического материализма и вел семинарские занятия. Для вчерашних школьников разобраться с диалектикой и материалистической теорией было невероятно сложно. Как-то он трижды распустил группу и отменил семинарское занятие по проблемам активности материи, заявив, что мы к нему не готовы. Скорее всего, он добивался от нас не простого пересказа лекций, а самостоятельного мышления. По окончании учебного года Молевич, подводя итоги, назвал 10 человек, из которых, по его мнению, философы получатся. Я была среди них. И совсем не потому, что блестяще училась. У Евгения Фомича были другие критерии. Такая оценка очень стимулировала. А методический прием роспуска группы и переноса занятий для усиления интереса к его содержательной стороне и дополнительной литературе я использую изредка и сама.

С историей философии нас знакомил Исаак Яковлевич Лойфман. Кроме того, что он хорошо владел содержанием и, как бывший школьный учитель, методикой обучения, Лойфман был хорошим оратором и обладал чувством юмора, что позволяло усваивать материал, опираясь позднее при подготовке к экзаменам на ассоциативные ряды.

Этику нам читал Леонид Михайлович Архангельский, который сменил М. Н. Руткевича, возглавившего к тому времени Институт социологии АН СССР, на посту декана философского факультета. Архангельский мне запомнился не как лектор и оратор, а совсем по другой причине. В середине 70-х гг. XX в. он, как признанный в области этики ученый, был приглашен в Москву в один из институтов АН. Да и раньше нам часто говорили о его заслугах в области этики, а вот в чем состоят эти заслуги я так и не могла понять.

Конечно, особой фигурой на философском факультете был Лев Наумович Коган, который в тот период работал в Уральском отделении академии наук (УрО РАН), но читал лекции и в УрГУ. Невероятно обаятельный, обладающей особой харизмой, он не мог не обратить на себя внимания. Студенты, которые слушали его лекции по историческому материализму (нам этот курс преподавал О. Н. Жеманов), до сих пор сыплют цитатами из этого курса по поводу отдельных социальных процессов. Нас Л. Коган уже на старших курсах знакомил с прикладными социологическими исследованиями в области социологии культуры.

Олега Николаевича Жеманова как преподавателя я оценила гораздо позднее, уже работая над самостоятельной темой в УрО РАН. Кроме исторического материализма он читал нам курс по критике буржуазных теорий. Только пытаясь самостоятельно разобраться в содержании этих теорий, я поняла, как искусно он «критиковал», знакомя нас с содержанием теорий и не искажая реальных взглядов авторов в угоду официальной идеологии. Перейдя из Академии наук в вуз и разрабатывая спецкурсы в области теории менеджмента, я опиралась на небольшой учебник О. Н. Жеманова и монографию Д. М. Гвишиани «Организация и управление. Социологический анализ буржуазных теорий». Монография Гвишиани до сих пор стоит у меня на книжной полке, и я рекомендую ее студентам.

Подготовка студентов-философов, предполагала на моем потоке две специализации: диалектический и исторический материализм. Я выбрала вторую. Именно это приблизило меня к социологии. Уже в начале 70-х гг. XX в. нам преподавали курс методики и техники социологических исследований, читали спецкурсы, базирующиеся на практике эмпирических исследований. В этом плане запомнились курсы М.Н. Руткевича о социальной структуре, где в качестве эмпирического материала использовались данные социологических исследований о студенческой молодежи, проведенных совместно с Ф. Р. Филипповым, знакомство с результатами исследований в области духовной культуры рабочего класса, выполненных в УрО РАН под руководством Л. Н. Когана. Социология меня заинтриговала, но тогда на последних курсах обучения я еще не подозревала, что она определит мою профессиональную судьбу.

Какая истматовская тематика Вас заинтересовала?

К сожалению, ничего не помню из курса истмата, а отсюда и собственно истматовской тематике. Что касается спецкурсов, то выше, когда я писала о преподавателях, я связывала их влияние именно с их профессиональной деятельностью: социальная структура общества (М. Н. Руткевич), спецкурс по методике и технике социологических исследований, духовная культура рабочего класса (Л. Н. Коган), спецкурс по проблемам личности.

Насколько активно Вы были вовлечены в студенческие годы в общественную деятельность?

Общественной активностью я в студенческие годы, как и позднее, не отличалась. Однажды на уровне учебной группы мне что-то поручили (не помню что конкретно), но я не справилась с общественным поручением, и меня потом по этому поводу обсуждали на собрании. И вообще я была «серой» и незаметной

мышкой и очень средней студенткой. Такой тип студентов ни администрацию, ни общественные организации не интересуют. Это позволяло мне жить интересной внеучебной жизнью (выставки, кино, дискуссионные клубы и т. п.).

Да, это известно, среди тех, с кем я уже беседовал, многие видели свою жизнь вне стен университетов. Причин много, часто — своеобразное бегство от рутины, скуки учебных курсов. Что Вы искали в выставках, кино, дискуссионных клубах? Просто расширяли свой кругозор или мечтали о новой профессии?

Я бы не сказала, что на занятиях мне было скучно, хотя рутины тоже было достаточно. Без этого не обходится ни одна работа, что понимаешь гораздо позднее. А вот внеучебный досуг он показывал жизнь в ее разнообразии, поскольку студенчество — это период, когда в жизни все интересно. Мне же было интересно вдвойне после ограниченных возможностей маленького поселка. Хотя не стоит считать, что я не бывала в больших городах до этого, но когда появлялась возможность и я имела возможность собственного выбора, то он был связан с экскурсиями и музеями. Попав в старших классах в Ленинград вместе со своей школьной подругой, первое, что я себе запланировала — это Эрмитаж. Бродила там целый день одна, плутая по залам. Потом уже в аспирантуре я посещала прежде всего, помимо новых выставочных экспозиций, два зала — Родена и импрессионистов. А о новой профессии мне и в голову не приходило мечтать, поскольку, честно говоря, я о своем применении в будущем, кроме преподавания в вузе, мало что представляла.

... поскольку я родился и жил в Ленинграде до отъезда в Америку, то пришел в Эрмитаж очень рано и часто ходил туда, а моя родная сестра, окончив искусствоведческий факультет Академии художеств, пришла на работу в Эрмитаж и работала там буквально до последних дней жизни... так что я могу понять шок, испытанный Вами при первом посещении этого храма искусств...

Обучение на философском факультете, принимая во внимание и тот факт, что там работал Л. Н. Коган, давало вам возможность синтезировать Ваш интерес к философии и культуре, искусству. По какой кафедре Вы специализировались и писали дипломное исследование?

В период, когда я училась на философском факультете УРГУ, Лев Наумович находился в «ссылке» в тогда еще УрО АН СССР и на факультете появлялся не столь часто, чтобы студенты могли его лучше узнать. Фактически он в те годы (конец 60-х и начало 70-х) создал социологическое подразделение в Уральском отделении АН. Формально два сектора существовали там и раньше, но бурная работа началась с приходом Л. Н. Когана. Его первые серьезные работы по социологии культуры написаны на основе именно тех исследований. Но с этим я познакомилась позднее, когда пришла на работу в Академию.

Специализировалась я по кафедре исторического материализма, а дипломную работу писала по проблемам рабочего класса. Но я даже тему плохо помню. Не скажу, что это был захватывающий процесс, хотя потом обращение к этим проблемам пригодилось. Я рано вышла замуж, еще в студенческие годы. Родился ребенок, и меня поглощали заботы молодой мамы. Да и какой-то солидной научной работы не намечалось. Все пришло после окончания вуза.

Что пришло после окончания вуза? Пожалуйста, обозначьте в целом, если мне не будет ясно, начнем обсуждать частности...

А дальше было завершение обучения и распределение в Институт экономики Уральского отделения АН СССР. Дело в том, что мне нужно было остаться в городе, а свободного распределения мне не полагалось, хотя ребенок был еще маленьким. Заявка от Академии наук была организована мамой одной из выпускниц, которой чуть позднее предложили место в аспирантуре. Мест же распределения непосредственно в Екатеринбурге было всего несколько, а я не отличница, чтобы получить право выбора среди первых. Группа повела себя очень достойно: никто не посягнул на это место. А остальные распределились преимущественно в города Сибири: Новосибирск, Красноярск, Хабаровск и др. Спрос на преподавателей философии с базовым образованием был высоким.

После получения диплома полагался месяц отпуска, но я в первые же дни рвалась выйти на новое место работы. Я попала по распределению в социологический сектор, название которого звучало примерно так «Демократизация управления производством». Второй сектор «Духовная культура рабочего класса» возглавлял Л. Н. Коган. При первой же встрече со своим руководителем я озабочилась вопросам: что мне почитать, как мне подготовиться к новой работе, поскольку понимала, что даже учебных навыков работы социологом у меня не было. Ответ был: отдыхай положенный месяц, а там разберешься.

Первоначально мне было несколько грустно, что я не попала на преподавательскую работу: туда меня тянуло, да и график работы был более свободным. Только позднее я поняла, что мне несказанно повезло сразу по окончании вуза погрузиться в профессиональную социологическую среду. С первых месяцев работы мне дали исследовательскую тему «Моральное стимулирование привлечения к управлению рабочего класса» и включили в те исследовательские проекты (тогда говорили «хоздоговоры»), которыми занимался сектор. А это: разработка инструментария по своей проблеме, но в рамках темы договора, участие в опросах, обработка их материалов, написание отчетов по исследовательской работе, написание статей и тезисов, участие в научных семинарах и конференциях.

Накапливался исследовательский опыт. Лев Наумович как хороший магнит привлекал исследователей из разных регионов страны. Особенно тесными были связи с Уфимским авиационным институтом (Н. Аитов, позднее его ученик Ф. Файзуллин), Пермским политехническим (З. Файнбург, Слюсарянский М. А.), Педагогическим институтом Нижнего Тагила. Еще молодые и активные часто приезжали В. Т. Шапко, Ю. Р. Вишневский. Первые встречи с заводскими социологами с НТМК (Бардин, к сожалению, не помню инициалов) многие годы возглавлял там социологическую лабораторию, которая сохранялась и в перестроечные годы, московскими учеными и представителями других регионов.

Очень полезными были поездки по городам и предприятиям Урала для проведения анкетных опросов. Здесь я знакомилась с особенностями работы многих производств: машиностроительных, металлургических, химических, строительных и других предприятий. А сам анкетный опрос, который чаще всего проходил в бытовках, создавал неформальную атмосферу, и со мной охотно делились и проблемами и мнениями о том, что происходит (девочка молодая, нужно же ее было познакомить с жизнью). Этот опыт я до сих пор, так или иначе, использую

при разработке новых исследовательских тем, аспирантских работ, на лекциях и при разработке и чтении спецкурсов. Кроме того я знакомилась с географией Урала.

Второй вид поездок — это конференции, где устанавливались профессиональные контакты. География этих конференций охватывала основные регионы бывшего Советского Союза.

Накапливался и исследовательский материал. Мне становилось тесно в рамках научных отчетов и статей. Но в тот период в Институте экономики существовала практика написания диссертационных работ за рамками аспирантуры. Только, когда в середине 70-х гг. XX в. два сектора объединили в отдел, который возглавил Л.Н. Коган, ситуация изменилась. Он занялся молодыми учеными прежде всего в плане решения вопросов с аспирантурой. Меня он решил направить в ЛГУ. Было организовано целевое место в аспирантуру. Мне оставалось сдать один экзамен, поскольку два кандидатских уже были сданы, и ехать в Ленинград. Экзамен я сдала вполне успешно, но вот из дневной аспирантуры тут же перевелась в заочную, чем, думаю, очень обрадовала кафедру научного коммунизма ЛГУ, получившую дополнительное место. А вот Лев Наумович был страшно недоволен и кричал на весь коридор Института экономики: «Посмотрите на эту обезьяну. Она никогда не защитит диссертации. Надо же было отказаться от Ленинграда!!!». Да, если бы я не отказалась от дневной аспирантуры, то возможно жизнь сложилась бы иначе. Но диссертацию я защитила и даже на год раньше, чем предполагал официальный график.

Здесь не было ничего сложного для меня: поступая в аспирантуру я уже имела около десятка публикаций, располагала материалами более десятка исследований по всему Уралу, кандидатские экзамены были сданы, кроме экзамена по специальности. Так что первые два года аспирантуры я приезжала в ЛГУ на один день, чтобы представить формальный отчет. Диссертацию собственно начала делать на третьем году. Не могу не упомянуть человека, который ускорил ее защиту, — это Галина Алексеевна Ковалева (в конце 90-х—начале 2000-х министр экономики и труда Свердловской области), работавшая в тот период в том же секторе, что и я. Когда я решила отправить текст диссертации своему научному руководителю, профессору Джамалу Зейнутдиновичу Мутагирову, мы встретились с ним раз пять за все время и то кратковременно, то она посоветовала оформить сделанное полностью в соответствии с требованиями (титульный лист, введение, заключение и т. п.). В результате это был первый и последний вариант диссертации. Когда меня пригласили на заседание кафедры, то я даже не подозревала, что прохожу предзащиту.

Я пишу об этом не только и не столько из-за погружения в ностальгию по прошлому. Мой опыт показывает, сколь значимо для ученого глубокое погружение в исследовательскую профессиональную среду и насколько легко, благодаря этой среде, приходиться к столь серьезным обобщениям своего исследовательского опыта, к каким я отношу кандидатскую диссертацию.

... все ясно, Вы постепенно вошли в социологию, в 1980 защитили в ЛГУ кандидатскую диссертацию. Что удалось показать? Были ли в те годы эффективные пути развития социально-политической активности населения Урала? Как Вам сегодня кажется, можно ли было разглядеть, что страна стояла на пороге коренных перемен?

К вопросу о путях развития социально-политической активности рабочего класса Урала. Здесь, насколько я помню, мои рекомендации с позиций сегодняшнего знания проблемы и накопленного социального опыта, были примитивны. Я их и не помню особенно. Помню, что еще до защиты диссертации меня поразило несколько фактов. Первый был связан с плановым распределением различных способов морального стимулирования активности работников предприятий. Например, на долю того или иного предприятия выделялось несколько почетных званий федерального или местного масштаба, несколько почетных грамот и т.п. (кстати эта практика сохранилась и сегодня в вузах. На ученом совете мы до сих пор утверждаем кандидатуры сотрудников, представленных к поощрениям федерального уровня, да еще с профсоюзом это согласовываем. А количество наград все еще определяется свыше). Когда я отразила данный факт в одном из научных отчетов и попробовала опубликовать это, мне, как еще молодому и «зеленому» исследователю сказали: ну и что: мы-то это с вами знаем, а остальным зачем об этом знать. В диссертации позднее я такую практику все-таки покритиковала.

Далее меня поразило существенно более высокий уровень оплаты труда рабочих по сравнению с ИТР и, тем более научных сотрудников. В социологической литературе эта тенденция объяснялась появлением особой социальной группы внутри рабочего класса – рабочих-интеллигентов (Н. А. Аитов, М. Н. Руткевич). В 80-е гг. начали внедряться в практику системы коллективной ответственности за результаты трудовой деятельности (хозрасчетные бригады) и состояние трудовой дисциплины (опыт Северского трубного завода), что требовало делегирования ряда управленческих функций на нижнее звено управления, непосредственно первичным коллективам. Но опыт Северского трудного завода противоречил законодательству: вся бригада добровольно отказывалась от премии в случае нарушения трудовой дисциплины, хотя бы одним из ее членов, а хозрасчетные бригады, создаваемые по опыту западных автономных бригад, не соглашались распределять заработную плату по коэффициенту трудового участия внутри первичного коллектива, предпочитая сохранение дружеских связей и психологический комфорт социальной справедливости, и возвращая это свое право отделам по труду и заработной плате. Так что для меня начало 80-х гг. XX в. еще мало что говорило о наступлении времени перемен. Потребность в переменах и их ветер начинает чувствоваться в конце 80-х–начале 90-х годов, когда я уже перешла на работу в вуз, каким на долгие годы для меня стал Уральский политехнический университет.

На какую кафедру Вы пришли работать? Кто из старших коллег помогал Вам входить в преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность?

Я пришла работать на кафедру научного коммунизма на должность ассистента, но проработав семь лет в УрО РАН и там уже получив должность старшего научного сотрудника, ассистентом я себя не чувствовала. Кафедра научного коммунизма УПИ в 1980 г. была крупнейшей для вуза в тот период и насчитывала 26 штатных преподавателей, но в научно-исследовательскую работу была включена лишь небольшая ее часть. В их числе наиболее известен в своем регионе Л. Д. Митрофанов, который в рамках межвузовского научного коллектива занимался разработкой планов социального развития. Он входил и в состав авторского коллектива, который подготовил и издал «Методические рекомендации по разра-

ботке планов социального развития предприятия» (не могу ручаться за точность названия издания), но в свое время, будучи включенной в работу по разработке таких планов, я этими рекомендациями пользовалась. Активно занимались подобными исследовательскими проектами Ф. А. Поправко, Р. М. Сырнева, И. Ш. Ослянский.

Научно-исследовательская работа преподавателей кафедры активизировалась с приходом в 1981 г. на должность заведующего Ю. Р. Вишневого, молодого, полного творческой энергии и желания работать в этом направлении доктора философских наук из г. Нижнего Тагила. В силу скорее личностных особенностей он старался, во-первых, объединить коллектив кафедры на решение общих задач, а во-вторых, вовлечь в эту общую работу всех преподавателей, что иногда приводило к казусам, когда он сам дописывал разделы отчетов за некоторых членов группы. Научно-исследовательская работа — это все-таки особый вид деятельности, к которому далеко не у всех есть способности, не говоря уже о знаниях и исследовательских навыках.

У меня в данном случае проблем не было, помогал опыт, полученный за время работы в Академии и написания кандидатской диссертации.

Да и философское образование давало существенные преимущества для работы, поэтому достаточно быстро и на долгие годы я стала заместителем Ю. Р. Вишневого по научной работе на кафедре и ответственным исполнителем при выполнении хоздоговорных работ. А таких работ было много: в доперестроечный период — это в основном планы социального развития предприятий, в перестроечный — исследование проблем адаптации населения к рыночным реформам, реформирования системы общего образования и адаптация учительства к этим реформам.

Что касается аудиторной работы, то основными проблемами здесь можно назвать усвоение содержания курса научного коммунизма и методику преподавания. В Академии я накапливала и формировала объем знаний и информации по узкой научной проблеме, связанной с вопросами управления и детерминации деятельности личности, а здесь нужно было освоить и принять знания по жестко заданной Министерством образования программе. Особенно сложно мне давались два раздела: развитой социализм и деятельность компартий. С развитым социализмом был курьезный случай: иду по коридору и становлюсь случайным свидетелем разговора студента с преподавателем. Речь идет обо мне и студент говорит о том, что я сама мол не знаю, что такое развитой социализм. А преподаватель утешал, что я еще молода и научусь. Студент был прав: мой ум исследователя соглашался с обоснованными фактами, а с идеологическими декларациями никак соглашаться не мог. Слава богу, развитой социализм вскоре отменили и проблем в этой области для меня не стало. Да и Ю. Р. Вишневский во второй половине 80-х гг. XX в. проявил себя как руководитель-демократ, который добился, чтобы мы читали курсы не только научного коммунизма, но и более свободные интерпретации проблем советского общества периода начала перестройки. Конечно, я за эту идею уцепилась, и мой курс скорее был посвящен актуальным проблемам данного периода.

Что касается методики преподавания, то здесь я опиралась на свой студенческий опыт и перенимала те приемы и методы своих преподавателей, которые, по моему мнению, были наиболее интересными и эффективными

в работе с аудиторией. Учителями для меня здесь были прежде всего Л. Н. Коган и И. Я. Лойфман. Оба обладали ярко выраженной индивидуальной харизмой и умели самые скучные факты и темы подавать с юмором и интересно. Такой харизмы у меня не было, а вот борьбе со скукой на лекциях они меня научили. В УПИ я сразу прониклась интересом к ораторским особенностям Ю. Р. Вишневого и специально ходила к нему на лекции, чтобы поучиться методическим приемам работы с аудиторией. Кроме того в тот период шло увлечение активными формами обучения, применением технических средств во время лекционных занятий. Я это все с интересом осваивала. Апробации полученных навыков способствовала работа с разными видами аудиторий учащихся: от традиционных студенческих аудиторий, до работы с руководителями предприятий (школа марксизма-ленинизма, к работе в которой меня очень быстро привлекли) и заводскими социологами. В школе марксизма-ленинизма мы вместе с Ю. Р. Вишневым вели курс по управлению предприятием. Здесь я получила первый опыт чтения лекции вдвоем. С Юрием Рудольфовичем это было легко, поскольку наши мнения по разным проблемам управления часто не совпадали, то мы прямо на лекции вступали в дискуссию, и я училась корректному ее ведению в учебном процессе. Позднее методике работы с аудиторией училась у Г. Е. Зборовского (логика лекционного доклада, аргументация, обращение к особенностям исторического периода и биографическим данным ученых).

Очень хорошим опытом было участие в работе в первой половине 80-х гг. очно-заочной школы социологов. Всего прошло три таких школы с двухгодичным сроком обучения заводских социологов. Меня сюда привлек Л. Н. Коган. Он был основателем этой школы и ее руководителем. Хотя и проходила эта школа на базе Челябинска и курировалась Челябинским областным комитетом партии, но приезжали на нее заводские социологи со всего Урала. Мне поручили курс методики и техники социологических исследований. Опыт взаимодействия с такой аудиторией готовил меня уже к будущей деятельности по подготовке профессиональных социологов, хотя и использован он был позднее: во второй половине 90-х гг. Вместе с тем, в общении с заводскими социологами я получала неоценимую информацию о состоянии дел в коллективах промышленных предприятий из первых уст.

Но к концу 80-х—началу 90-х гг. XX в. исследовательская активность начала спадать, возможности применить накопленный опыт научных исследований и преподавания все сужались. В стране начались бурные перемены, а в вузовской науке, напротив, растерянность и застой. Но это уже другие времена и другие проблемы.

Галина, Вы несколько лет занимались планами социального развития, Вам хорошо знакома эта тематика. Если судить лишь по рассказам моих собеседников из разных городов и регионов, то можно утверждать, что университетскими и заводскими социологами в свое время был собран значительный по объему материал по разным сторонам жизни трудовых коллективов и населения страны. По Вашему мнению, есть ли возможность сегодня вернуться к той информации и тем выводам, чтобы составить целостную картину жизнедеятельности общества в 70-е — начале 80-х годов? И второй вопрос, нужно ли это сделать, есть ли в этом научный резон?

Начну с ответа на второй вопрос: научный резон в этом есть, поскольку материал действительно был собран обширный, хотя следует учитывать, что он отражал интересы заказчика и специфику плановой экономики. Если первоначально планы социального развития отражали потребность в развитии социальной сферы предприятий и учреждений, то уже к 80-м гг. они стали обязательной формой планирования, которая задавалась сверху министерствами. Мне приходилось встречаться с ситуацией, когда мы сдавали заказчику один вариант плана социального развития, а отчитывался он совсем по другому, форма и содержание которого задавалась отраслевым министерством. Далее: цели социального развития, которые мы формулировали и которым подчиняли содержание самого плана, не совпадали с той целью, которую видела администрация. Мы эти цели связывали с созданием условий для развития личности, а для администрации главным было повышение производительности труда. Отсюда, если в строке эффективность тех или иных мероприятий мы писали «социальный эффект», то нас спрашивали а каким и когда будет эффект экономический.

Обращение к исследованиям 70–80-х гг. уже наблюдается в социологической науке, хотя пока еще достаточно скромное. Например, мне известно, что молодой социолог из Высшей школы экономики Р. Абрамов работает над проектом динамики трудовых ценностей в российском обществе с 70-х гг. XX в. по настоящее время и собирается в рамках этого проекта обратиться к материалам социологических исследований 70–80-х гг.

А теперь по первому вопросу. Боюсь, что обратиться к информации, собранной для планов социального развития отдельных предприятий, городов и даже регионов маловероятно. Она представлялась на бумажных носителях и хранилась потом в архивах, которые теперь уже не существуют. Личные архивы такой информации тоже, думаю, редкое явление. Например, я довольно долго хранила такие материалы, но к началу 2000-х избавилась от них, поскольку они не были востребованы и руки до них не доходили.

Ответ на предыдущий вопрос Вы закончили словами: «В стране начались бурные перемены, а в вузовской науке, напротив, растерянность и застой. Но это уже другие времена и другие проблемы». Как эти макрособытия отразились на Вашей жизни и профессиональной деятельности?

90-гг. XX в. были сложными не только для страны и ее населения в целом, но и для вузовских преподавателей. И дело не только в невыплатах зарплаты (ее, как правило, в вузах выплачивали вовремя) и ее покупательской способности, но в изменении в отношении к учебе со стороны студентов, часть которых активно включилась в коммерческую деятельность, которая воспринималась как основная. Лозунг Б. Н. Ельцина: «Разрешено все, что не запрещено законом» оказался привлекательным и для студенческой молодежи. В связи с этим резко снизилась посещаемость занятий, интерес к учебе, несмотря на любые методические усилия и уловки преподавателя. У нас в Уральском политехническом институте в 90-е гг. была введена система спецкурсов по выбору в области социальных дисциплин. Так довольно часто повторяющаяся картина при выборе спецкурса была такой: преподаватель на первом занятии рассказывает о целях и содержа-

нии спецкурса, а в это время открывается дверь аудитории, в нее просовывается голова или головы нескольких студентов и задается типичный вопрос: «А как зачет будете ставить?»

На занятиях бесконечно звонили пейджеры (мобильных телефонов еще не было или они были в ограниченном пользовании), и студент, отвлекая всю аудиторию, начинал общаться с абонентом на другом конце, сопровождая весь процесс громкими комментариями о важности звонка. Смысл профессиональной преподавательской деятельности в таких условиях терялся.

Заказов на исследовательскую работу также не поступало. Отсюда возникли две проблемы: первая связана с обретением нового смысла профессиональной деятельности, а вторая — поиск альтернативных источников доходов. Каждый решал ее в силу своих возможностей. Чаще всего для преподавателей таким источником доходом становилось преподавание практически любых дисциплин и курсов в уже расширяющейся сети филиалов и представительств различных вузов, качество подготовки специалистов в которых реально было ниже всяких требований. Сама имею опыт такой работы, по нему и сужу.

Мне повезло, и нашелся другой альтернативный вариант, идею которого предложил мне Л. Н. Коган — создание и работа в качестве директора в Институте молодежи при Областном комитете по делам молодежи. Не сразу, но я согласилась, но на полставки все-таки осталась в УПИ. Институт нужно было создавать с нуля, концепция его деятельности была достаточно туманной. В результате в 1995 г., оформив все учредительные документы, я заняла должность директора Института молодежи при штате сотрудников в 5 человек. Данный институт сразу создавался не как самостоятельное образовательное учреждение (здесь нужна была особая лицензия), а как структура, занимающаяся аналитической деятельностью в области работы с молодежью и подготовкой материалов для разработки молодежной политики Свердловской области, а также повышением квалификации специалистов, работающих в молодежью и подростками в подростковых клубах и центрах. За работу я взялась с энтузиазмом и, несмотря на ограниченный бюджет, за два года нам удалось, привлекая ведущих социологов города провести исследование «Молодежь Среднего Урала», выступить организаторами Уральских социологических чтений по молодежной проблематике, подготовить несколько аналитических сборником соответствующей тематики, сделать несколько выпусков специалистов для работы в летних оздоровительных лагерях. Но денег было все меньше, и постепенно деятельность института стала сводиться к организации курсов повышения квалификации, а я превратилась в зав. курсами.

Такая работа меня не устраивала, и снова назревал профессиональный кризис, когда Г. Е. Зборовский предложил мне подумать о докторской диссертации. Когда же я согласилась, то бюджетное место в докторантуре тогда еще СИПИ (Свердловский инженерно-педагогический институт), где он в то время работал, Гарольд Ефимович организовал очень быстро. С учетом особенностей данного института (подготовка кадров для системы профессионального образования) и моих исследовательских материалов определилась и тема докторской диссертации о связи профессии и образования. В эту работу я окунулась с головой. Это

уже была моя стихия. Через два с половиной года диссертация уже была представлена в диссертационный совет Уральского государственного университета и в самом конце 1999 г. перед празднованием Нового года защищена.

За эти годы и система высшего образования начала выходить из кризиса начала и середины 90-х гг. Я же в СИПИ получила опыт работы со студентами профессионально ориентированными на будущую социологическую деятельность, и этот опыт был для меня важен и интересен. Да и интерес к социологическим исследованиям начал возрождаться.

Галина, пожалуйста, мне бы хотелось получить более развернутый рассказ о Вашей докторской диссертации. Ее название, проблематика, основные выводы.

Тема моей докторской диссертации «Теоретико-методологический анализ взаимосвязи профессии и образования». В этой работе в конце 90-х гг. XX в. я сделала одну из первых попыток в практике отечественной социологии провести анализ связи данных феноменов с позиций институционального подхода. Хотя еще в работах таких классиков социологической науки как Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс встречаются идеи, позволяющие исследовать профессию как особый социальный институт, но проработки ее в тот период в российской социологии не было. Да и сейчас, чаще всего, когда в некоторых работах ставится вопрос об институциональных основах профессии, профессиональном разделении труда и профессиональной стратификации, то авторы либо останавливаются на уровне декларации идеи, либо рассматривают институт профессии как априори известное и хорошо исследованное в теории явление.

Сложность работы была связана с тем, что в период кризисных 90-х гг. доступ к отечественной и западной литературе был ограничен. Выходило мало монографических исследований, недостаточно издавалось трудов по классической и современной социологии. Даже с наследием П. Сорокина российские социологи только еще начинали знакомиться. Отсюда оценить состояние разработанности проблемы было крайне сложно. Но здесь существовала и другая сторона медали: свобода для собственного творчества, отсутствие подспудного давления мнений авторитетов.

Моя авторская идея состояла в том, что профессия одновременно представляет собой вид деятельности, социальный институт и социальную общность и функционирует в обществе в системном единстве этих трех составляющих. Ее состояние определяет и развитие института образование. Не случайно в мировой практике первоначально формируется система профессионального образования, а уже гораздо позднее — общего. Институциональный уровень профессии и образования определяет характер и направленность их взаимосвязи в обществе. Именно это легло в основу моей теоретической концепции и развивалось в докторской диссертации через анализ института профессии, этапов его формирования и функционального назначения, исследование институциональных особенностей становления и функционирования профессионального образования. Отдельно поднималась проблема социальных механизмов, обеспечивающих связь между профессией и образованием. Была сделана попытка выявить и проанализировать такие механизмы с учетом уровня их функционирования, направленности и масштаба действия.

Основной вывод, который был сделан в результате работы, состоял в том, что решения любого уровня по реформированию или совершенствованию профессионального образования должны учитывать исторически сложившиеся институциональные нормы и традиции как объективные регуляторы взаимодействий и отношений внутри и между социальными общностями. В противном случае эти нормы и правила выступают барьерами, чаще всего невидимыми, для проводимых реформ и трансформаций. При общности институционального содержания в различных странах существуют свои особенности складывания и функционирования институтов профессии и образования, а также механизмов, обеспечивающих связь.

Проводимая в России реформа профессионального образования, которая сегодня обозначается как его модернизация, подтверждает этот вывод. Я в течение многих лет включена в процессы бесконечного реформирования высшего профессионального образования и имею возможность наблюдать и оценивать их результаты. Сегодня в рамках модернизации решаются вопросы консолидации его с мировой практикой. Изменение структуры подготовки профессиональных кадров (бакалавриат, специалитет, магистратура), внедрение компетентностного подхода, системы кредитов и т. д. пока порождает дикого кентавра с трудом стоящего на своих глиняных ногах. Мы пишем программы учебных дисциплин, где должны учитывать какие-то заданные сверху Федеральным образовательным стандартом компетенции (в большей степени профессиональные), формируемые учебной дисциплиной, даже если эта дисциплина способствует общему развитию личности. Кроме того масса времени тратится на расчет и перерасчет баллов, в которых оцениваются знания и достижения студента (они далее должны переводиться в кредиты), а потом эти баллы переводятся в традиционную для России и понятную всем систему оценок: отлично, хорошо и т. д.

Специальные профессиональные компетенции, их набор и перечень должны формироваться с учетом потребителя и будущего работодателя, но кто сказал, что высшее профессиональное образование обязано подготовить профессионала удобного всем, да еще и за государственный счет в основном? А как же динамика профессионального разделения труда и завтрашняя потребность уже в других профессиях и специальностях? Это противоречия сегодняшнего дня, которые требуют для своего разрешения участия науки и учета ее мнения при принятии управленческих решений. Но это уже другая проблема.

Я не преувеличиваю роль своей диссертации в развитии социологии профессий. Для большинства она прошла незамеченной, но после ее защиты и выхода монографии «Профессия и образование: социологический аспект связи» (тираж небольшой, да издана в местном университетском издательстве) появились новые исследования, были защищены кандидатские диссертации по данной тематике. В Институте социологии РАН был создан сектор по социологии профессий и профессиональных групп, который возглавил В. А. Ансуров. Его аспиранты провели интересное исследование по проблемам профессиональной общности врачей. В этой области интерес представляют работы Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, Р. Абрамова.

Итак, уже полтора десятилетия прошло после остепенения. У вас стало больше возможностей заниматься наукой, готовить публикации, участвовать в конференциях, продвигать свои идеи через дипломников, аспирантов? Или не все

так однозначно?

Как оказалось именно время, приближенное к сегодняшнему дню, охарактеризовать сложнее всего. После защиты докторской диссертации у меня был выбор: заняться административной работой (сразу поступили предложения на заведование кафедрой), продолжать работу в вузе с хорошей оплатой, но по подготовке специалистов несоциологического профиля и заняться подготовкой будущих социологов, но с меньшей финансовой поддержкой. Я выбрала третий путь и перешла на работу в Уральский государственный университет на кафедру прикладной социологии на должность профессора.

Уральский государственный факультет начал подготовку социологов в 1988 г. одним из первых в России, в 2000 г. была открыта магистратура по направлению «Социология». Преподаватели, работающие с будущими социологами, имели большой опыт работы в области как теоретической, так и эмпирической социологии (А. В. Меренков, Е. С. Баразгова, Г. П. Орлов, Н. Н. Маликова, С. Н. Чаплыгина и др.). Еще в середине 60-х гг. XX в. в УрГУ была создана лаборатория социологических исследований, которая продолжает работать и до сих пор. Это создавало условия для участия в эмпирических исследованиях, как преподавателей, так и студентов. Кроме того при университете была открыта аспирантура по социологии и с середины 90-х гг. работал диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций в области социологических наук. Это позволяло готовить кадры профессиональных преподавателей-социологов. Многие нынешние преподаватели — это наши выпускники.

Работу на факультете политологии и социологии УрГУ я совмещала с преподаванием ряда дисциплин на кафедре социологии и социальных технологий управления УПИ, которой руководил и по сей день руководит Ю.Р. Вишневский. Для этого пришлось освоить учебные дисциплины в области подготовки менеджеров (Основы менеджмента, Управление персоналом, Социальные технологии), которые, с одной стороны, расширяли кругозор, а с другой, — обогащали собственно социологические курсы, которые я преподавала уже в УрГУ (Общая социология, Социология организаций, Социология конфликта, Методика преподавания социологии и др.). На освоение учебных дисциплин, отработку методов и приемов работы с аудиторией с учетом особенностей курса и особенностей студентов у профессионального преподавателя уходит много времени, но все это компенсируется результатом. Особый интерес представляет работа с дипломниками. У нас подготовка к дипломированию фактически начинается с первых курсов. Научно-исследовательская работа студента организована таким образом, что выбрав тему курсового исследования и его руководителя, студент дальше идет по пути ее углубленного изучения, осваивая как теоретические аспекты проблемы, так и методы ее эмпирического исследования. Конечно не каждый студент в течение всех лет обучения занимается одной и той же проблемой, но важно, что руководитель имеет возможность наблюдать за его профессиональным развитием и ростом и корректировать их.

Кроме того много времени занимает работа с магистрами и аспирантами. Собственно в магистратуру поступают чаще всего наши выпускники, возможности интересы, которых ты уже представляешь. Часть из них идет в аспирантуру. Работа с аспирантами — это, пожалуй, наиболее интересное и сложное дело. За полтора десятка лет под моим руководством защищены более десяти кандидат-

ских и одна докторская диссертации. Я мне важно наблюдать дальнейший путь моих аспирантов и соискателей в науке. Темы работ достаточно разнообразны: часть их связана с анализом функционирования и развития социальных, в том числе и профессиональных, общностей. Другие уходят в область иных социальных процессов: например, блогосфера или влияние глянцевого журналов на социальную идентификацию молодежи. Но ни одна из работ не является для меня случайной или проходной, поскольку вместе с соискателем я погружаюсь в проблему, ее методологические и эмпирические проблемы, и снова узнаю много нового в области социологической науки.

Что касается конференций, то, честно говоря, я потеряла к большинству из них интерес. Когда-то многолюдные профессиональные тусовки ушли в прошлое, если не считать социологические конгрессы. В чем преимущество бывшей многолюдности – это возможность встречи с интересными учеными, это новые контакты и связи, это разнообразие дискуссий. Вероятно, в моем возрасте интересы уже устоялись и система профессиональных контактов сложилась, поэтому открытия случаются редко. Многочисленные заочные конференции еще менее интересны, поскольку исключают возможность живого общения. Но в последние годы, особенно с объединением двух университетов Екатеринбурга УрГУ и УГТУ–УПИ и созданием Уральского федерального университета расширились возможности поддержки исследовательских проектов (федеральные гранты мы выигрываем далеко не столь часто как москвичи), зарубежных командировок и стажировок. И в этом плане я больше радуюсь за молодое поколение преподавателей, у которых появились возможности установления международных контактов, вхождения в мировую социологическую науку. Отсюда я не поддерживаю пессимистических настроений о кризисе отечественной социологии. Думаю, что у нее еще все впереди. И из наших рядов тоже выйдут ученые, которые когда-нибудь будут называться классиками. Но это уже завтрашний день.